

УДК 340.111.5

А. А. Краевский

ДИСКУССИИ О ПОНЯТИИ И ПРИРОДЕ ПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Аннотация. Проблема правового отношения привлекала пристальное внимание советской юридической науки, однако её обсуждение характеризуется разнонаправленными тенденциями. Правоведы, придерживавшиеся ортодоксальных марксистских позиций, пытались интерпретировать все правовые явления как некие фактические отношения, по отношению к которым правовые нормы – явление вторичное (надстройка). По-видимому, именно отсюда происходит широко принятое понимание правовых отношений как особого рода общественных отношений. Вместе с тем, с конца 1930-х гг. в юридической науке усилились нормативные тенденции, характерные для классической юриспруденции, для которой свойственно рассматривать возникновение прав и обязанностей с сочетанием правовой нормы и юридического факта. Несмотря на то, что несовместимость указанных представлений о правовых отношениях часто игнорировалась, многие представители советской юриспруденции стремились её преодолеть путём пересмотра одного из указанных аспектов доктрины правоотношений. Основные варианты решения заключались в отказе от понимания правовых отношений как общественных отношений, либо в отнесении прав и обязанностей к форме, но не к содержанию правового отношения. Данное противоречие теории правоотношений во многом сохраняется и в современном российском правоведении. Правильным решением указанной проблемы представляется отказ от представления о правовых отношениях как об общественных отношениях.

Ключевые слова: правовое отношение, общественное отношение, советская теория права и государства.

A. A. Kraevsky

DISCUSSIONS ON THE CONCEPT AND NATURE OF LEGAL RELATION IN THE SOVIET THEORY OF LAW AND MODERN RUSSIAN JURISPRUDENCE

Abstract. The problem of legal relation attracted close attention of Soviet legal science, but its discussion is characterised by multidirectional tendencies. Legal scholars who adhered to orthodox Marxist positions tried to interpret all legal phenomena as some kind of factual relations, in relation to which legal norms are a secondary phenomenon (superstructure). Apparently, this is where the widely accepted understanding of legal relations as a special kind of social relations comes from. At the same time, since the late 1930s, the normative tendencies characteristic of classical jurisprudence, for which it is peculiar to consider the emergence of rights and obligations with the combination of a legal norm and a legal fact, have intensified in legal science. Despite the fact that the incompatibility of these views on legal relations was often ignored, many representatives of Soviet jurisprudence sought to overcome it by revising one of these aspects of the doctrine of legal relations.

© Краевский А. А., 2023

2023. Вып. 3 •

The main variants of the solution consisted in refusing to understand legal relations as social relations, or in attributing rights and obligations to the form, but not to the content of a legal relation. This contradiction of the theory of legal relations is largely preserved in modern Russian jurisprudence. The correct solution of the mentioned problem seems to be the rejection of the idea of legal relations as social relations.

Key words: legal relation, social relation, Soviet theory of law and state.

Проблема правового отношения всегда привлекала пристальное внимание советской юридической науки, однако её рассмотрение в разные периоды развития советского правоведения можно охарактеризовать разнонаправленными тенденциями. Понятие правового отношения играет важную роль в теории права и юридической науке в целом, поэтому общая проблема противоречивости понятия правового отношения выходит за рамки советского и постсоветского правоведения, достаточно сказать, что её элементы можно усмотреть уже у в классической Ф. К. фон Савиньи [14, с. 456–458], а критику, например, у Л. И. Петражицкого [12, с. 276–285]. Вместе с тем, представляется, что именно в советской юриспруденции этот вопрос приобрёл особую актуальность.

После 1917 г. и вплоть до второй половины 1930-х гг. ведущие теоретические позиции в советском теоретическом правоведении принадлежали учёным, придерживавшимся ортодоксальных марксистских позиций, среди которых особенно выделялись П. И. Стучка и Е. Б. Пашуканис.

Стучка неоднократно подчёркивал, что право представляет собой систему общественных отношений, соответствующую интересам господствующего класса, и охраняемую организованной силой этого класса [15, с. 42]. Каждой форме собственности «соответствуют свои отношения труда, присвоения и распределения (обмена) продукта и т. д.». Каждое из этих отношений является общественным отношением, но сами по себе они не являются правовыми, правовыми они становятся тогда, когда делаются господствующими вместе с целой системой других общественных отношений по мере исторического развития (от рабовладения к феодализму и т. д.) [15, с. 72–73]. Сходным образом рассуждал и Пашуканис, также опиравшийся на ряд идей К. Маркса, в частности, на идею, что в основе юридической надстройки общества лежат отношения собственности [11, с. 84]. Правовые отношения по Пашуканису суть в первую очередь отношения обмена, предшествующие правовым нормам.

Однако подобная радикальная антинормативистская позиция плохо согласовывалась с практическими задачами, стоявшими перед советским юридическим образованием и наукой. Новый период развития правоведения в СССР начался с «II совещания по вопросам науки советского государства и права», прошедшего 16–19 июля 1938 г. под руководством Прокурора СССР А. Я. Вышинского. Несмотря на декларативное сохранение приверженности марксистской правовой доктрине, в качестве основы «генеральной линии» советской юридической науки была взята традиционная правовая догматика, основанная на правовом этатизме [2, с. 40–41]. Прежнее марксистское правоведение подверглось критике, и оставшиеся его представители, в частности Пашуканис, были обвинены в «фальсификации марксизма-ленинизма» [4, с. 75]. На совещании были определены основные теоретические принципы наук теории государства и права, международного права и всех отраслевых

юридических наук, которые продолжали оказывать прямое и существенное влияние на советскую правовую доктрину вплоть до конца 1970-х гг. [9].

Примечательно, что уже в 1940 г. в учебнике С. А. Голунского и М. С. Строговича правовые отношения понимаются скорее нормативистски. С одной стороны, отмечается, что право возникает из определённых общественных отношений [5, с. 161], а правовые отношения рассматриваются как вид общественных отношений [5, с. 270]. С другой стороны, правовое отношение определяется как «отношение между людьми, в котором они участвуют как носители прав и обязанностей, обеспеченных правовой нормой» [5, с. 270], о нём говорится как о специфическом идеологическом отношении [5, с. 159–161, 273], или как о правовой связи между людьми, которую устанавливает правовая норма [5, с. 270]. Авторы даже пытаются возродить волевою теорию правового отношения, которую прежде беспощадно критиковали Стучка и Пашуканис.

Примечательно, что даже в своём собственном примере Иоффе признаёт, что речь идёт не о каком-то качественном изменении уже существующего родственного отношения, которое в принципе, само по себе является даже не общественным, а биологическим отношением, а о том, что к нему добавляется правовая связь между указанными лицами.

Пример второго рода по Иоффе – «отношения, возникающие в связи с предоставлением пособий многодетным и одиноким матерям». Это отношения между матерью и отделом по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям. Общественные и правовые отношения по выплате пособий возникают одновременно [7, с. 15].

Рассматривая вопрос о содержании правоотношения Иоффе критикует теорию, высказанную в 1940 г. Агарковым [1, с. 22–23] о том, что содержанием правоотношения является поведение его участников [7, с. 60–61].

Но если содержание правового отношения в правах и обязанностях, и оно суть правовая связь, возникающая на основании норма в момент наступления юридических фактов, является ли оно собственно общественным отношением, то есть фактическим человеческим поведением? В этом – основное противоречие теории правоотношения, потому что два указанных широко признаваемых тезиса на самом деле несовместимы, а авторы, пытающиеся их совместить, противоречат сами себе.

В качестве следующего этапа дискуссии о правоотношении в советском праве стоит отметить книгу С. Ф. Кечекьяна «Правоотношения в социалистическом обществе» 1958 г. [8] и, в особенности, работу Ю. К. Толстого 1959 г. «К теории правоотношения» [16]. Кечекьян, развивая тезис Голунского и Строговича, пишет о правоотношениях как об особых, идеологических отношениях, а не как об общественных отношениях [8, с. 19–20].

Та же идея детализируется Толстым. Преимущества отстаиваемого определения состоят в следующем:

1) определение позволяет четко очертить место правоотношения в ряду других общественных явлений и провести грань между правоотношением и тем общественным отношением, которое норма права регулирует через посредство правоотношения;

2) определение отвечает не только на вопрос, как возникает правоотношение, но и на вопрос, для чего оно возникает, раскрывая тем самым

служебную роль по регулированию общественных отношений, выполняемую правоотношением;

3) определение ориентирует на то, что и норма права, и правоотношения имеют один и тот же объект, каковым являются фактические общественные отношения;

4) определение позволяет рассматривать правоотношение в качестве юридической формы того общественного отношения, на которое правоотношение воздействует как на свой объект» [16, с. 20–21].

Вместе с тем, в последующем, в 1960–1970-е гг. преобладающие позиции получило представление о правовом отношении как об общественном отношении, урегулированном нормой права. Характерно, что в работе «Общее учение о правоотношении» Р. О. Халфина принимает данное определение как аксиоматическое просто в силу его широкого признания [17, с. 51]. В этой же работе отстаивается высказывавшаяся и ранее мысль о том, что содержанием общественного отношения является реальное поведение его субъектов, а права и обязанности – формой правового отношения. Аналогичную точку зрения высказывал Л. С. Явич [18, с. 207–216].

При этом в большинстве случаев такое определение сочеталось с представлением о том, что содержание правоотношения составляет права и обязанности его субъектов. Указанные рассуждения Явича получили дальнейшее детальное развитие в трудах Ю. И. Гревцова, специализировавшегося на социологии права. Трактую общественные отношения из определения правоотношения как конкретную социологическую категорию, Гревцов последовательно отстаивает фактический и персонифицированный характер правовых отношений [6].

Отдельно стоит отметить позицию С. С. Алексеева, для трудов которого в целом характерно стремление к обобщению теоретических дискуссий и формулированию компромиссных точек зрения, учитывающих критику и достоинства противоположных позиций. Так, в теории правоотношения Алексеев, с одной стороны, соглашается с различием между правовым отношением и регулируемым им общественным отношением с другой [3, с. 255–258]. Но, с другой стороны, правоотношение по Алексееву, помимо собственно юридического имеет и реальное содержание, выражающееся в поведении людей, реализующих соответствующие права и обязанности [3, с. 259–260], и в целом определяется через относительно нейтральную категорию общественной связи: «Правоотношение всегда представляет собой известную связь» [3, с. 246].

Современное российское правоведение в целом сохраняет плюрализм мнений по вопросу о понятии правоотношения. Помимо уже названных авторов, перешедших из советской науки в постсоветскую, таких как Толстой, Гревцов и Алексеев, и не изменивших своих концепций правоотношения, можно привести несколько характерных примеров. Так, А. В. Поляков и Е. В. Тимошина определяют правовое отношение как социальное взаимодействие, осуществляемое путём реализации государственно-признанных прав и обязанностей субъектов правовой коммуникации [13, с. 372]. Права и обязанности при этом отнесены к форме правоотношения [13, с. 388–389]. Если абстрагироваться от особенностей коммуникативной теории и понятия коммуникации, то можно сказать, что авторы следуют той же концепции, что и Явич, Халфина и ряд иных советских правоведов.

В учебнике В. С. Нерсесянца, категория правоотношения трактуется как категория должного, то есть как форма конкретизации правовой нормы [10, с. 503]. Преобладающей же остаётся противоречивая позиция, сочетающая представление о правоотношении как об общественном, то есть фактическом отношении и идею о его юридическом содержании.

С нашей точки зрения, в данном споре правы авторы, понимающие правовое отношение как категорию должного, то есть индивидуализацию нормы относительно конкретной ситуации. В основе первоначального противоречия, как представляется, сочетаются две ошибки – гипостазирование прав и обязанностей в качестве отдельной от правовой нормы сущности – правового отношения, и смешение бытия и долженствования. Следует также отметить двусмысленность слова «отношение», по-разному употребляемого в социологической (как часть словосочетания «общественное отношение») и философско-логической (в значении двухместного предиката) литературе. Разумеется, такой подход не означает отрицания возможности исследований общественных отношений, на которые воздействуют правовые нормы, однако надо признать, что данная проблематика относится к области социологии права, а не правоведения в узком смысле, как науки о должном. Для описания же чисто юридических явлений категория общественного отношения не является необходимой. Представляется, что в силу указанных причин современному российскому правоведению следует использовать достижения советской теории правовых отношений, и оставить в прошлом содержащиеся в ней противоречия.

Библиографический список

1. *Агарков М. М.* Обязательства по советскому гражданскому праву. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с.
2. *Алексеев С. С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 752 с.
3. *Алексеев С. С.* Собр. соч. Проблемы теории права. Курс лекций. М.: Статут, 2010. Т. 3. 781 с.
4. *Вышинский А. Я.* Основные задачи советского социалистического права // Вопросы теории государства и права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 53–122.
5. *Голунский С. А., Строгович М. С.* Теория государства и права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 305 с.
6. *Гревцов Ю. И.* Правовые отношения и осуществление права. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. 129 с.
7. *Иоффе О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1949. 144 с.
8. *Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.
9. Круглый стол «Советского государства и права» «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 56–74; № 8. С. 48–77.
10. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М.: Норма, 2002. 352 с.
11. *Пашуканис Е. Б.* Общая теория права и марксизм // Избранные труды по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. С. 32–181.
12. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
13. *Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 472 с.

14. *Савиньи Ф. К., фон.* Система современного римского права // Савиньи Ф. К., фон. Т. I: Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 248–509.
15. *Стучка П. И.* На пути к классовому пониманию права // 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М.: Гос. юрид. изд-во, 1931. С. 40–101.
16. *Толстой Ю. К.* К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1959. 88 с.
17. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении М.: Юрид. лит., 1974. 340 с.
18. *Явич Л. С.* Общая теория права. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. 287 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Краевский Арсений Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, a.krajewski@yandex.ru.

Kraevsky Arseny Aleksandrovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, a.krajewski@yandex.ru.